

Му Сюэши, сбивчиво бормоча, рыдал у груди третьего принца. Тот крепко схватил его за плечи, заставив подняться и встретиться взглядом. Глаза Му Сюэши покраснели, его вид был жалок и уязвим, но уголки губ всё ещё сохраняли улыбку — явный признак помутнения рассудка. Внезапно он громко рассмеялся, обращаясь к принцу:

— Позволь мне сначала возбудиться, не обращай внимания.

С этими словами Му Сюэши начал кувыркаться в комнате, то смеясь, то запихивая в рот кусочки сливового пирога с подноса, то кружа вокруг принца, прыгая и ликуя... Служанки и евнухи за дверью, не понимая, что происходит, хотя и строили догадки, не смели сделать ни малейшего движения, делая вид, что ничего не слышат. Какой бы шум ни поднимался в комнате, это был шум третьего принца, и слуги не имели к нему отношения. Если бы кто-то осмелился издать звук, даже без приказа принца, надзирающие стражи тут же прикончили бы нарушителя.

Тишина в комнате внезапно сменилась громким гамом, даже клетка с птицей на подоконнике начала раскачиваться, и птица внутри забилась, пытаясь вырваться на свободу.

— Лекарь! — раздалась команда из комнаты.

Главный евнух, стоявший у двери, тихо ответил:

— Слушаюсь.

И тут же приказал стражам во дворе вызвать лекаря, который находился в постоянной готовности. Лучший лекарь императорского двора, Ли, был оставлен в маленьком дворике третьего принца и не мог покинуть его ни на шаг. Даже если бы сам император заболел, ему бы прислали другого лекаря. Ли стал личным лекарем принца, что говорило о невероятной благосклонности императора к своему сыну.

Му Сюэши, хотя и успокоился после шумного поведения, продолжал болтать без умолку. Принц, наконец, потерял терпение и начал сомневаться, не притворяется ли Му Сюэши. Если бы он не был сумасшедшим, то ни одно из сегодняшних его поступков не могло бы быть совершенно прежним, нормальным Му Сюэши.

Не успев переодеть Му Сюэши, принц оттолкнул его за занавеску и откинул полупрозрачную ткань, оставив лишь запястье видимым. Лекарь Ли, положив руку на пульс, начал тщательно осматривать, и на его лице появилось выражение глубокой озабоченности.

Лекарь, увидев маленькую, словно выточенную из белого нефрита руку, на мгновение застыл. За годы практики он никогда не видел человека с такими изящными пальцами. Хотя по костяшкам можно было понять, что это мужчина, его лицо, должно быть, было невероятно прекрасным.

— Никакой заразы нет, не надо мерить пульс... — пробормотал Му Сюэши, не забывая украсть

пару виноградин и сунуть их в рот.

Принц, удерживая Му Сюэши за спиной, тихо кашлянул за занавеской. Лекарь Ли тут же произнёс:

— Ваше высочество, с этим человеком всё в порядке...

— Ого! — громко перебил его Му Сюэши, сияя глазами и с восторгом глядя на принца. — Ты принц? Вас называют «Ваше высочество», я помню... это... мм...

Не дав ему закончить, принц зажал ему рот ладонью. Губы Му Сюэши продолжали шевелиться в его руке, вызывая у принца странное ощущение.

— Ещё одно слово, и тебя казнят на месте, — резко сказал принц, брови сведённые в гнев.

Услышав это, лекарь Ли в панике упал на колени, не смея даже дышать. Гнев принца был редким явлением, и если он разозлился, то наверняка произошло что-то серьёзное. Мысли об этом заставили лекаря содрогнуться, опасаясь, что его диагноз мог оказаться ошибочным.

Му Сюэши тоже испугался. Его лицо, ещё недавно сияющее, теперь потемнело, словно цветок, увядший под палящим солнцем.

Принц продолжал пристально смотреть на него. Глаза Му Сюэши моргали, украдкой бросая взгляды на принца, но, встретив его взгляд, тут же отводили в сторону, пока, наконец, он не опустил голову, молча играя с украшением на поясе.

«Не зли его, — подумал Му Сюэши. — Только что вернулся к жизни, а тут казнят — это будет слишком несправедливо. Только живым можно найти серебряную монету, а найдя её, можно вернуться домой». При этой мысли он сам тихо усмехнулся.

Принц, увидев эту улыбку, способную растопить снег, застыл. Эта улыбка была так знакома. Если бы он однажды случайно не увидел её, голова Му Сюэши уже давно бы скатилась с плеч. Теперь же он снова улыбался так свободно. Что он замышляет? Если это не безумие, то, может, это добровольное падение?

«Ты хочешь очаровать меня, чтобы выжить, Му Сюэши. Но такой, как ты, я не пощажу».

Му Сюэши, увидев лёгкую неприязнь в улыбке принца, вспомнил своё отвратительное отражение в пруду. Наверное, сейчас оно ещё ужаснее! Осознав это, он тут же убрал улыбку, опустив голову, чтобы скрыть лицо.

— Ваше высочество, простите мою некомпетентность, но я действительно не могу обнаружить никакой болезни. Пульс этого молодого человека стабилен и нормален. Если говорить о чём-то,

то, возможно, лишь о небольшом перегреве. Достаточно будет съесть что-нибудь охлаждающее.

Слова лекаря Ли принц принял к сведению. Если никакой болезни нет, то все эти странности — лишь притворство Му Сюэши. Возможно, за последние две недели мучений этот избалованный аристократ научился смиряться.

Пока принц размышлял, лекарь Ли поклонился и удалился. Оглянувшись на Му Сюэши, он увидел, что тот уже уснул, склонившись на стол. Длинные ресницы, словно чёрные веера, лежали на бледных щеках, а розовые губы слегка приоткрылись, тихо всхлипывая, прежде чем он повернулся на другой бок.

Даже манера спать изменилась. Похоже, перемена в характере Му Сюэши не была притворством. Значит, он действительно был напуган этими днями? Принц слегка прищурился, в глазах читалось презрение. Оказывается, Му Сюэши не так стоек, как он думал. Всего несколько дней, и он уже сдался. Если это так, то какой в этом интерес?

Как только Му Сюэши уснул, в комнате принца воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь его дыханием. Это были покои принца — дворец Цинъюнь, расположенный в маленьком дворике, подаренном императором своему сыну. Дворик назывался Циньи.

Внутри дворика стояли два небольших павильона, между которыми находился большой цветочный пруд, напоминающий компас. В пруду росли редкие цветы и растения, некоторые из которых больше нигде не встречались. Ароматы этих растений смешивались, создавая уникальный запах, который, как говорили, мог укрепить здоровье и излечить некоторые болезни.

Когда поднимался лёгкий ветерок, запах цветов разносился за пределы дворцовых стен. Многие высокопоставленные чиновники, наложницы и принцы, почувствовав этот аромат, хотели посетить дворик, но принц отказывал всем. Кроме близких доверенных лиц и слуг, которые служили ему с детства, лишь император однажды ступил в это уединённое место.

Теперь же во дворике появился ещё и Му Сюэши. Принц планировал отправить его обратно в дворец ледяного предела, где он первоначально содержался, но в таком состоянии Му Сюэши пришлось оставить на несколько дней, пока он не придёт в себя, чтобы затем наказать его.

Дворец ледяного предела был местом духовного уединения матери принца, наложницы Му. Однако в последнее время там происходили странные вещи. Согласно слухам среди её слуг, каждый раз в полночь в дворце раздавался женский плач, жалобный и скорбный, словно крик обиженного духа. Наложница Му, недавно начавшая соблюдать пост и молиться, была слаба и через несколько дней вернулась в свои покои Муянь, где до сих пор лежит, восстанавливаясь.

Вспомнив об этом, принц осознал, что уже несколько дней не навещал свою мать. Теперь, когда она лежит больная, даже он, несмотря на свою холодность, понимал, что должен проявить элементарную вежливость.

Принц отправился в покои своей матери, сопровождаемый евнухом Тайань и Су Жуханем. Как только Тайань подошёл ко входу в коридор покоев Муянь, евнух у двери громко объявил о его прибытии. Нложница Му, хотя и чувствовала себя плохо, услышав о визите сына, тут же попросила служанок помочь ей встать и медленно направилась к двери.

<http://bllate.org/book/15425/1364592>